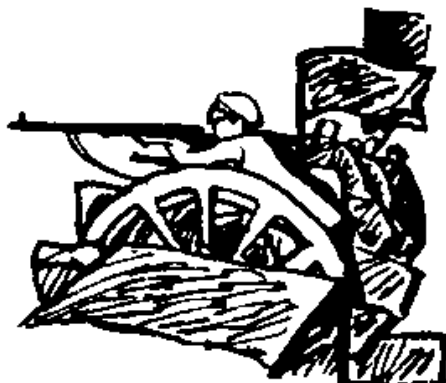

Н. Богданов, В. Дунаевский

Павлуша Андреев

– Арбуз, водички!
– Арбуз, за папиросами!
– Арбуз, угля!
И так каждый день.

Как только гудел гудок, Павлуша Андреев, по прозвищу Арбуз, начинал свой тяжёлый рабочий день на заводе Михельсона. А ночью мёрз в нетопленном чулане...

В воскресенье, спасаясь от придилок пьяного отца, удирал с мальчишками на улицу. Лазил в купеческие сады, дразнил дюжих дворников, спасался от злющих городских...

Не было бесправнее существ, чем заводские мальчишки. Но не было и отчаянней. Если где пожар, они первые на крыше. Если схватка рабочих с полицией, с казаками – мальчишки тут как тут.

И частенько взрослых рабочих выручала мальчишеская смекалка. Кто спас от провала заводских большевиков, когда нагрянула в цех полиция? Павлушка-Арбуз! Набив под рубаху листовки, он успел спрятать их в саду у хозяина.

После этого случая взрослые стали присматриваться к мальчишке. А Саша Киреев, молодой слесарь-лекальщик – это он чуть не попался с листовками – стал даже дружить с бойким учеником кузнечного цеха. Саша показывал мальчику тонкости своей работы и привил Павлуше желание стать мастером слесарного дела.

День и ночь пылали горны, гремели станки, бухали молоты, лился рабочий пот. Кузнецы, токари, литейщики готовили снаряды, гранаты, каски, сапёрные лопаты по заказу царя для войны с немецким кайзером.

Деньги наживал обрусевший немец Михельсон – хозяин завода. Рабочие за каторжный труд получали жалкие гроши. А уж самые малые гроши, конечно, доставались мальчишкам на побегушках, ученикам, подручным – таким, как Арбуз.

Трудно жилось замоскворецким мальчишкам, трудно было выбиться в люди. И вдруг... Революция!..

Рабочие и солдаты в феврале 1917 года свергли в Питере царя – всё пошло наоборот. Чудеса!

Всё изменилось на улице. Присмирели хозяйские дворники. Не задевают рабочих мальчишек купеческие приказчики. Побаиваются гимназисты. Меньше обижают и мастера – на заводе появился парень от какого-то рабочего союза, поставил в заводском комитете стол и сделал надпись: «Защита прав молодёжи».

Значит, у мальчишек теперь есть права.

Полюбили замоскворецкие мальчишки революцию всем сердцем, всей душой.

И не только за то, что и о них позаботилась революция. У мальчишек вдруг появилось много новых друзей. И каких!

На завод прямо в цеха стали приходить интересные люди. Приходят и здороваются, и расспрашивают: как им, мальчишкам, теперь живётся, сколько часов работают, учат ли их делу или всё гоняют мастера по пустякам?

Вот девушка-студентка Люсик Люсинова из коммерческого института: и красивая, и интеллигентная барышня сама подходит к рабочему, не стесняется, что из простых...

И говорит она замоскворецким рабочим мальчишкам, которых никто раньше и за людей не считал, будто они и есть будущее рабочего класса, опора революции, надежда страны! Ну, станут самыми главными людьми для себя, для всех. Только для этого нужно организовать.

То же самое говорят и гимназист Степан Кравчук, и студентки Лена Троицкая, Катя Карманова. Они организывают рабочих парней против буржуев, против фабрикантов, купцов и их приказчиков.

А есть и другие. Они делают всё наоборот, они против большевиков. Они говорят, что большевики зря мутят рабочих. Приходили такие из коммерческого института, да быстро их спровадили с завода, раскусили, что это сынки богачей и хотели они натравить рабочих на рабочих.

Многое изменилось, как свергли царя. Но всё по-прежнему тяжёлый труд на заводе: работают по шестнадцать часов в сутки; по-прежнему льют гранаты, шлифуют снаряды, куют сапёрные лопаты. Всё для войны с немецким кайзером Вильгельмом.

Февральскую революцию совершили рабочие и солдаты, а власть захватили богачи... Во Временном правительстве все главные министры – капиталисты. Значит, это не та революция.

Нужна другая. Не буржуазная, а социалистическая! Наша! Рабочая! Такая, к которой призывает партия коммунистов и товарищ Ленин.

Вот в каких делах стали разбираться Павлуша и его друзья – замоскворецкие рабочие мальчишки.

Ещё бы! Ведь он теперь – член Союза рабочей молодёжи «Третий Интернационал».

Когда организация рабочей молодёжи на заводе Михельсона начала работать, Саша Киреев раздававший поручения, спросил Павла:

– Ну, а ты что можешь делать?

– Как что, а свистеть!

Киреев расхохотался: действительно, свистеть замоскворецкие мальчишки умели.

Посмеялся Саша, а потом и говорит:

– Извини, друг, это я не подумавши, не разобравшись, что ты говоришь всерьёз. Твой лихой свист может нам здорово помочь. Я слышал недавно, как наших ораторов пытались освистать гимназисты да купецкие приказчики. Так вот, надо им показать, что такое наш рабочий свист. Да так, чтобы ни один буржуйский оратор у нас в Замоскворечье не мог слова произнести.

Такое первое «партийное» поручение получил Павлуша Андреев.

Подобрав себе надёжных помощников, Павлик попевал на все митинги и собрания, которые кипели в Замоскворечье. Слушая многочисленных ораторов, мальчишки под командой Арбуза, как только какой-нибудь тип начинал наговаривать на большевиков и ругать Ленина, поднимали неистовый свист, крик: «Долой! Хватит!.. Слезай с трибуны, провокатор!»

Стоило мальчишкам начать – рабочие и солдаты подхватывали, и тип смывался.

Здорово действовали мальчишки под командой Павлуши.

Да, он был среди замоскворецких мальчишек не последним, и хотя уступал многим и в годах, и в сознательности, но не уступал в революционном горении.

Его посылали сначала, казалось по пустячным делам: отнести записку туда, листовки сюда, раздать солдатам-фронтовикам большевистские газеты, проникнуть с мальчишками в казармы полка, куда офицеры рабочих-большевиков не пускают.

* * *

Ленин в своих письмах из подполья предупреждал рабочих и руководителей-большевиков, что буржуазия вооружается, готовит и собирает силы для борьбы, что рабочему классу надо создавать свою Красную гвардию, укреплять её, не теряя времени, вооружаться.

Но где достать оружие рабочим отрядам? В московском военном округе засилье белых офицеров. Они готовятся усмирить рабочий народ, задавить революцию. Командующий округом полковник Рябцев у всех складов оружия поставил офицерские, юнкерские патрули. Рабочей милиции, по требованию Московского Совета, выдаются лишь револьверы да старые заржавленные полицейские шашки.

И вот рабочие-михельсоновцы узнали через железнодорожников, что на товарной станции есть склад оружия жандармского корпуса.

Произвели разведку при помощи мальчишек. Разведку возглавил Павлик. Ребятишки уточнили, где место склада. Как охраняется...

Охраняли его пожилые солдаты из команды выздоравливающих. Солдаты устали от войны, скучали по дому, по семьям. К мальчишкам отнеслись по-отцовски: не только не гнали с путей, но ещё делились солдатским хлебом, охотно разговаривали о том, о сём...

Когда поздно вечером вместе с мальчишками явились взрослые рабочие с револьверами в руках, солдаты без сопротивления подняли руки вверх и стали помогать грузить карабины, пистолеты, ящики с патронами...

А кое-кто из солдат присоединился к рабочим и ушёл обучать красногвардейцев военному делу.

Павлуша очень хотел пойти вместе с красногвардейцами обучаться военному делу. Но малолеток туда не принимали. И не то в шутку, не то всерьёз старый рабочий, красногвардеец Уваров, говорил ему:

– Придёшь со своей винтовкой, тогда ладно, становись в ряды.

* * *

В ночь с 25 на 26 октября в Красном Петрограде рабочие и солдаты, руководимые большевиками, победили. Они свергли буржуазное Временное правительство и передали власть в руки рабочих и крестьян – передали власть Советам. Главой первого в мире государства трудящихся стал Ленин.

Московский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил, что берёт власть в свои руки.

Но буржуазия не хотела сдаваться просто так, без боя. Командующий московским гарнизоном полковник Рябцев не признал советской власти, объявил Моссовет и все рабочие организации распущенными, приказал юнкерам и верным Временному правительству войскам под командованием офицеров разоружить Красную гвардию и разогнать районные Советы.

Юнкера оцепили здание Московского Совета, отрезав его от рабочих окраин, заняли мосты через Москву-реку.

Моссовет вызвал к себе на помощь революционных солдат. Быстрым маршем пошла к нему рота «двинцев» солдат-большевиков.

На Красной площади их попытались остановить юнкера. Солдаты не остановились.

Юнкера дали залп. Солдаты бросились в штыки и, потеряв многих убитых, всё же прорвались и встали на защиту Моссовета.

Этот залп юнкеров возвестил о начале октябрьских боёв в Москве.

* * *

– Вставай, Арбуз! – крикнул кто-то из уличных приятелей. – Началось!

Павлик вскочил – без шапки и без пальто: пока за ними потянешься, отец схватит и не пустит – и выбежал на улицу.

А на дворе холод, дождит октябрь.

Но дела вокруг таковы, что зябнуть некогда. Стрельба так и раскатывается от Кремля к Замоскворечью. Прижимаясь к домам, бегут на сборные пункты рабочие-красногвардейцы. Отряды солдат, матросов, рабочих беглым шагом спешат к набережной, к мостам через реку.

Павлику нужно явиться в свой отряд – на завод Михельсона. Он не забыл сказанные ему Уваровым слова: «Вот явишься со своей винтовкой, становись в ряды!»

И Павлик бросается к тайнику, где у него спрятана винтовка, его «собственная» винтовка! Как он её достал – это сейчас не время рассказывать.

Это большая тайна... Все ребята помогали, чтобы вооружить своего Арбуза настоящей винтовкой.

Ведь все надеялись, что он каждому даст стрельнуть. И главное, был уговор: если Павлика убьют, винтовка перейдёт к Ване, от Вани к Петрю, от него к следующему...

Доставая из тайника винтовку, Павлик опоздал к сбору красногвардейского отряда завода Михельсона. Он догнал его только на Калужской площади, у штаба Красной гвардии Замоскворечья. И как раз в тот момент, когда

руководитель военно-революционного комитета профессор Штернберг, в кожаной куртке, перепоясанный маузером, объявил:

– Кто не чувствует в себе сил идти на смерть, пусть выйдет из строя! Предупреждаю: операция по очищению мостов от противника будет нам стоить больших жертв. Юнкера, захватившие мосты, будут драться за них насмерть...

Никто не вышел из строя. Раздалась команда.

Отряд завода Михельсона беглым шагом направился к мостам. В первом ряду шёл Уваров. Там Павлик увидел почти всех комсомольцев. Секретаря ячейки Сашу Бакланова, его неизменного друга Ваню Чистякова, Семёна Рогосика. В первой шеренге шагал сегодня очень суровый, не улыбающийся Саша Киреев. Павлик хотел пристроиться к нему, но не удобно бежать рядом, как мальчишке, забегая сбоку, – пришлось приотстать.

С кремлёвских стен юнкера так и сыпали из винтовок и пулемётов. Над Замоскворечьем, как грозные стрижи, свистели пули.

Белые обстреливали подходы к мостам, которые им удалось захватить. Они ожидали казачьи войска, шедшие к ним на помощь.

Но михельсоновцы знали в своём районе каждый закоулок и, не понеся потерь, прошли к Малому Каменному мосту. Неожиданно для белогвардейской заставы они ворвались на мост – и врукопашную!

Впереди бежал Саша Киреев. Он бесстрашно бросился на опешивших юнкеров, увлекая за собой комсомольцев. Бакланов, Чистяков, за ними остальные сбили юнкеров с моста.

– Вперёд! На Большой Каменный! – крикнул Киреев, и тут вражеская пуля сразила его.

Впервые видел Павлик смерть так близко. Он бежал рядом. И тоже упал, словно пуля попала в него. Киреев лежал, прижавшись щекой к камням мостовой.

– Саша! Саша! – говорил Павлик, пытаясь поднять друга. Но Саша стал тяжелее свинца.

– Вперёд на Большой Каменный! – произнёс он последним дыханием.

И, выполняя его волю, Павлик бросился вперёд, стреляя на бегу, как это делали красногвардейцы.

* * *

Выбить юнкеров с Большого Каменного не удалось. Слишком сильно били с кремлёвских стен пулемёты. Зато михельсоновцы захватили здание

трамвайной силовой электростанции и депо. Это были надёжные крепости. С башни депо, установив пулемёты, красногвардейцы открыли огонь по бойницам кремлёвских стен.

Связались по телефону со штабом.

Штернберг приказал: немедленно и во что бы то ни стало закрыть выход с моста. Устроить баррикаду. Использовать трамвайные вагоны. «Юнкера обязательно попытаются прорваться к электростанции – ведь это энергия, свет!»

Трамвайщики быстро выкатили две платформы, уложили на них мешки с песком, за укрытием поставили пулемёт. Бойцы пристроились с винтовками и гранатами...

Как раз в это время на мосту показался грузовик, полный юнкеров в серых шинелях, с винтовками. Они мчались к электростанции.

– Огонь!

Грузовик пытался развернуться, но пули красногвардейцев уже в моторе. Юнкера – на мост, бегут, спасаясь, по Софийской набережной. А вдогонку – михельсоновские парни. Хватают брошенные винтовки, патроны, берут в плен юнкеров.

* * *

С первыми пленными и трофеями Уваров отправляет в конвое Павлика Андреева.

– Смотри в оба! Это важнейшее задание – доставить в штаб «языков»!

Павлик горд. Ведёт белогвардейских молодчиков строго, штык в спину, палец на курке.

– Шагай веселей! Не оглядывайся!

– Ну вот, – вздохнул Уваров, – удалось отправить мальчишку в тыл, уж очень беспечно храбр, убьют зря... А жалко, такой чудесный мальчишка... Пригодится для будущего.

В штабе пленным обрадовались.

– Смотри-ка, какие опытные вояки, настоящие военные, подтянутые, в шинельках с иголки, без пяти минут офицеры – и захвачены в плен нашими малоопытными в бою рабочими. Хорошее начало! Две стычки, и обе в нашу пользу. Очищен Малый Каменный, отбит налёт на электростанцию.

Штернберг доволен.

Юнкера прикидываются овечками.

– Мы не стреляли. Мы просто ехали на грузовике. Это ваши открыли стрельбу первыми... Мы не сопротивлялись, мы просто побежали от пуль... Мы ни в чём не виноваты. Отпустите нас.

– Как бы не так, – сверкает очками Штернберг, – не притворяйтесь, господа, попадись наши вам в руки, вы бы подняли их на штыки!

Юнкера, только что пытавшиеся держаться развязано, бледнеют и начинают давать сведения о гарнизоне Кремля, о наличии боеприпасов...

Штернберг замечает Павлика. Он понял, почему Уваров прислал его конвоиром... Штернберг в перерыве между допросом и телефонными звонками грозит Павлуше пальцем:

– Смотри, Арбуз, под пулями не катайся, продырявят вот эти молодчики! Их обучили меткой стрельбе, но не научили человечности.

Павлик вспомнит слова профессора потом, когда один из таких вот чистеньких офицеров убьёт Люсик Люсинову.

Допросив юнкеров, их решили отпустить, если они дадут честное слово больше не поднимать оружие против народа.

Но в это время поступило донесение, что белые снайперы убивают сестёр милосердия, перевязывающих раненых красногвардейцев.

– Кто из вас честнее других? – спросил Штернберг пленных.

Сынки помещиков, кулаков, купцов и фабрикантов переглянулись и не ответили.

– Выберите одного, кто не способен совершить подлости по отношению к вам же. Он пойдёт к своим и передаст: если они не прекратят стрельбу в наших сестёр Красного Креста – будут отвечать перед судом победившего народа! Один идёт, остальные останутся заложниками. Ясно, господа!

Юнкеров оставили одних в комнате. Они долго спорили, кричали, ругались между собой, и кончилось тем, что так и не выбрали надёжного парламентёра, который бы не сбежал и не подвёл своих заложников.

Профессор горько усмехнулся.

– Кухаркины дети, которых вы не желали пускать в университеты, мне были всегда милей вас, умничающих олухов, – пробормотал он и отвернулся от пленных, сказав. – В подвал их. После разберёмся...

Павлик был оставлен при штабе.

Он бы не исчез из поля зрения желавших сохранить его жизнь большевиков, если бы не услышал разговор Штернберга по телефону с начальником боевого участка на Остоженке.

– Вы помните, товарищ Добрынин, что выполняете главнейшую задачу: окружить и уничтожить штаб московского военного округа, это осиное гнездо слетевшейся в Москву белогвардейской военщины. Да, да. Окружите их баррикадами. Главное, отрежьте все пути отхода к Кремлю. Трудно? Тяжело? Нужны подкрепления... Знаю, знаю... Но что делать, вы должны совершить даже невозможное. Таков приказ пролетарской революции!

Профессор улыбнулся – по-видимому, Добрынин ответил ему уверенно и бодро.

О, это был замечательный парень, Добрынин! Рабочий с телефонного завода, он частенько проходил по улицам, и все мальчишки знали его лихо заломленную форменную фуражку, чуб выющихся золотистых волос, весёлые глаза.

Выдвинулся он в командиры благодаря своей какой-то особой воинской жилке, какому-то покоряющему бойцов удалству. За таким не страшно в огонь и в воду.

* * *

Настала ночь. Никто не спал в штабе. Непрерывная стрельба стояла над Москвой. Все улицы, занятые красногвардейскими отрядами и красными солдатами, освещены. Кремль, Театральная площадь, занятый белыми центр города погружены во мрак.

Монтёры центральной электростанции, в захвате которой участвовали михельсоновцы, сумели, рискуя жизнью, отключить свет во всех зданиях и

улицах, захваченных белогвардейцами. И только наши отбивали улицу или дом, монтёры включали в них свет, и это служило сигналом. Каждый различал – где наши, где белые.

Павлику предлагали лечь вздремнуть. Но где там! Сон не шёл к нему. Перед глазами то вставало бледное лицо Саши Киреева и в ушах звучали его слова: «Вперёд, на Каменный!», то лицо Люсик Люсиновой, добрый взгляд её близоруких глаз... «За будущее надо сражаться!»

Несколько раз он порывался бежать туда, где шёл бой, чтобы самому, своей рукой, из своей винтовки отомстить за гибель своих лучших друзей. Но разные поручения удерживали его в штабе.

Может быть, он остался бы и дальше, если бы не тревожное сообщение от Добрынина. Белогвардейцы из штаба московского военного округа перешли в наступление, потеснили наших бойцов. Велики потери. Нужны подкрепления. На исходе патроны.

После этого Павлик исчез. Больше не видели в штабе прикомандированного от михельсоновцев бойца Павла Андреева.

* * *

На баррикаде, перегородившей Пречистенку, которую защищали рабочие и солдаты 193-го пехотного полка, появился шустрый мальчишка.

Никто не спросил его, кто он, откуда, зачем явился на баррикаду. По всему чувствовалось, что это свой, рабочий паренёк, безотказный, привыкший где-то в заводском цехе выполнять все просьбы старших рабочих. И вскоре только и слышалось:

- Мальчик, подай патроны!
- Мальчик, принеси бинт!
- Мальчик, вот чайник, дуй за кипятком!

Весь вид его – взъерошенный воробей, да и только! – вызывал солдат и рабочих на шутку:

- Брось винтовку, а то потеряешь!
- Давай менять, парень, винтовку на пистолет, к которому патронов нет...

В ответ мальчишка только смеялся и удивлял солдат: метко стрелял из винтовки по окнам этажей, где засели белогвардейцы.

Павлик интересовался всеми. Привлёк его внимание хмурый бородатый солдат. Солдат не спеша, степенно целился, стрелял только наверняка, высматривая офицерские фуражки среди гардин и занавесок за подоконниками богатых квартир. Сбив фуражку и попав в офицерский лоб, солдат довольно кричал и неодобрительно поглядывал на дырки от пуль в своей высокой папахе...

– Дяденька, а ведь и убить могут... Ты ведь из деревни... Зачем сюда пришёл? – приставал к нему мальчишка.

– А затем я здесь, что мне тут удобней управляться с помещичьими сынками, не пустить их по имениям. Здесь-то я совместно с рабочими их легче побью, чем в деревне с одними мужиками. Понял?

– Теперь понял, – отвечал мальчуган, – ты, дядя, хитрый!

– Вот то-то, и ты хитёр, – гладил его солдат по русой голове огромной пятернёй.

Заинтересовал Павлика и молодой подтянутый офицер в белых перчатках, в начищенных хромовых сапогах, словно сошедший с картинки.

Он бесстрашно выходил под огонь белых и прохаживался по тротуару, покуривая папироску. Высмотрев, где у них пулемёты, устанавливал цель для гранатомёта, имевшегося на баррикаде. И солдаты по его команде гасили один белогвардейский пулемёт за другим.

Он был весел и насмешлив. Он не давал солдатам покоя, всё время приказывал. Одним – занять крышу высокого дома. Другим – залечь за мешками с песком в тёмной подворотне. Третьим – перебежать дорогу под огнём и занять позиции за оградой церкви. И всё это вежливо, на «вы».

И старые вояки, иные хоть и ворча, слушались этого безусого офицера. Под его команду бородачи пошевеливались так быстро, что Павлику даже стало смешно.

– Дяденька, – спросил он мужика богатырского роста, – чего это вы его так слушаетесь? В других полках вон всё офицерьё прогнали.

– Сами выбрали, вот и слушаемся, – улыбнулся солдат. – Он у нас боевой, наш Алексей Алексаныч... Выбранный нами командир, товарищ Померанцев.

Последние слова, произнесённые с уважением, ещё больше разожгли любопытство Павлика, и он с бесцеремонностью заводского мальчишки спросил офицера:

– Дяденька, какая у вас интеллигентская фамилия! И почему вы с нами? Все офицеры и генералы там, – махнул он рукой в сторону штаба.

– Вот почему я и здесь, малыш: там офицерьё и без меня хватает! – отшутился офицер и, потрепав Павлика по щеке, закончил ласково. – Так-то, малыш, мы с тобой должны быть там, где народу нужней!

Павлик не успел обидеться за слово «малыш», как офицер уже ринулся к какому-то человеку в штатском, бежавшему ему навстречу с радостными возгласами.

– Вот здорово, что вы склады-то захватили! Худо господам офицерам. Курят даже под огнём, заглушают голод папиросками, – сказал он, пожимая руку офицера.

– Без продовольствия господа офицеры долго не выдержат. Это не наш брат, солдат, – усмехнулся бородач, радуясь воинскому предвидению своего выборного командира, прежде всего отбившего у белогвардейцев продовольственные склады близ Крымского моста.

Взглянув на штатского, Павлик едва узнал в этом человеке командира замоскворецких красногвардейцев Добрынина: плечо пиджака разорвано и окровавлено. Один ботинок разодран, а вместо другого – калоша, подвязанная верёвочкой. Но глаза сияют, щёки горят, словно Петя Добрынин не в бою, не под пулями, а на каком-то необыкновенном празднике.

– Прислали бы связного, – оглядывая его, встревоженно сказал Померанцев. – Вы, кажется, ранены?

– Пустяки, одна шальная пуля немного задела плечо... Мне нужно с вами посоветоваться, как замкнуть клещи, – сказал Добрынин, любивший везде поспевать сам.

– Это не ваш мальчишка болтается здесь под пулями? – офицер указал ему глазами на Павлика, но взгляд Добрынина встретил только пустое место. Павлик испарился.

Пока командиры двух отрядов обсуждали, как им взять штаб контрреволюции в клещи, Павлик не зевал. Он уже на Остоженке. На баррикаде, среди знакомых рабочих и солдат 55-го полка. Никто не гонит его, думают: наверно, командир разрешил.

И вскоре он на баррикаде не только свой, не только не лишний, а необходимый парень.

Он по приказу своего сердца пришёл на помощь на самый трудный участок и принёс с собой не только ещё одну лишнюю винтовку, но и всю свою беззаветную мальчишескую храбрость, умиляющую старых солдат и подстёгивающую молодых красногвардейцев.

– Мальчик, покарауль винтовку!

– Мальчик, постреляй из моей, я перекурю!

– Мальчик, подежурь у патронных ящиков, я в момент, погреюсь. Если что – свистни!

Понесся большие потери при попытках взять баррикаду, офицеры и юнкера не решаются штурмовать вновь. Ведут редкую перестрелку. Сейчас красногвардейцам можно и передохнуть, погреться в тёплой чайной.

Пронзительный сырой ветер дует из переулка. Холодный дождь моросит непрерывно, переходя в снежную крупу. Зябко плохо одетым рабочим-красногвардейцам, зябко в отсыревших шинелях солдатам. И вот один за другим ныряют бойцы в чайную Юхтина. Здесь тепло от дыма, здесь горячий чай в больших чайниках.

И как-то получилось, что на баррикадах остался Павлик и двое красногвардейцев.

Так вот случилось, что баррикада, предоставленная на волю солдат и красногвардейцев, вдруг опустела. И этого не заметил ни отлучившийся Добрынин, ни белогвардейцы. Потому что баррикада продолжала вести огонь.

И никто не мог бы подумать, что это палят всю двое красногвардейцев и Павлик.

И белогвардейцы думали, что баррикада действует в прежнем составе.

Так Павлик мог продолжать без конца, если бы белогвардейцы не начали новой атаки. Они сумели поставить пулемёт, бьющий вдоль окопа с фланга. Хорошо, что красногвардейцы заняли крайние дома, огонь пулемёта не доставал немного до окопа, и пули летели зря, мимо бруствера, обметая его, как веником.

Но белогвардейцы вообразили, что под прикрытием пулемёта им легче будет захватить баррикаду. Они поднялись и пошли в атаку.

Увидев такое, Павлуша издал условный призывной свист, вызывая бойцов из чайной, и засновал по окопу ещё быстрее, ускорив пальбу из винтовок до удивительной частоты.

И тут его торопливость привела к беде. Собственная винтовка, добытая с таким трудом, вдруг выскочила из рук и перевалилась через бруствер. У Павлика потемнело в глазах, ему показалось, что руки всех беляков тянутся к его драгоценной, к его заветной винтовке, которая сделала его бойцом, помогла

встать в красногвардейские ряды, привела на славную баррикаду. Не раздумывая, он выскочил из окопа и, скатившись с бруствера, подхватил своё оружие.

Заметив его, белогвардейский пулемётчик дал прицельную очередь, и множество пуль пронзили тело мальчишки. Он не почувствовал боли, ему показалось, что его вдруг опустили в кипяток и тут же вынули. Открыв глаза, он увидел над собой лицо богатырского солдата, добрые серые глаза, наполненные слезами.

– Тише, Арбуз, потерпи, Арбузик, я сейчас, я бегом, вот тут и госпиталь недалеко. И мне руку перевяжут, и тебя спасут!

Солдат нёс его на руках, сгибаясь от свиста пуль, напрямик к ближайшей больнице. И доставил мальчишку ещё живым в руки доктора. И так горячо просил выходить Арбузика, юного красного героя, спасшего баррикаду, что все врачи и сёстры больницы загорелись желанием спасти его от смерти.

И это им почти удалось. Аккуратно они зашили его многочисленные раны, все сквозные пулевые отверстия в груди закрыли тампонами, пытались спасти повреждённый пулей глаз. На третий день их пациент пришёл в себя.

И первым, кого он увидел, был тот самый офицер, которого он спрашивал, почему он не с белыми, а с нами. Бледный, забинтованный, он тоже узнал мальчишка и, погрозив пальцем, шепнул:

– Что, допрыгался, Арбуз? Лежи тихо – поправишься.

Навестить Павлика пришли боевые товарищи с завода Михельсона. С ними секретарь партийной организации завода Николай Васильевич Стрелков.

Павлик обрадовался, увидев своих, но его поразила и насторожила необыкновенная тишина. Не было слышно стрельбы, почему всё смолкло на улицах Москвы?

– Что, военный округ взят? Мы победили? – спросил он, приподнимаясь с подушки.

– Конечно, мы победили! Военный округ взят вместе со всеми генералами белогвардейского штаба. Офицеры и юнкера в Кремле сдались.

Павлика словно подбросила рвущаяся через край радость. Он вскочил на постели и со всей мальчишеской силой крикнул:

– Ура!

От этого усилия из сквозных ран на груди выскочили тампоны, кровь хлынула ручьями – и переполненное счастьем сердце Арбуза остановилось. Смерть наступила так внезапно, в такую радостную минуту, что Павлик умер с улыбкой на лице.

* * *

Именем юного героя назван Москворецкий районный Дворец пионеров. В Москворецком районе есть улица имени Павлуши Андреева.

Публикуется по: Богданов Н., Дунаевский В. Павлуша Андреев //Пионеры-герои : Альбом-выставка / составитель Ю. С. Лapidус. Москва : Малыш, 1969.